

3. Итоги средневековой мысли

да речь идет о западной философии средних веков. Если в наши дни рефлексия философа не может не оказывать воздействия на самые общие результаты исторических и социальных наук, в средние века она не могла воздействовать на что-либо иное, кроме Откровения, окончательным выражением которого является догмат. Непосредственно данный мир, чем сегодня является для нас мир науки, тогда был миром веры. Вселенная представляла как творение единого Бога в трех Лицах. Иисус Христос, Сын Божий, рожденный и не сотворенный, единосущный Отцу, воплотился и стал человеком, чтобы спасти нас от греха Адама. Со своей стороны, падший человек должен быть соратником в деле спасения, подчиняться заповедям Божьим и Церкви Божьей, чтобы избежать вечной гибели и вечно наслаждаться небесным счастьем, приготовленным для избранных. Эта широкая перспектива, обогащенная и уточненная кропотливым трудом святых отцов, в средние века влагалась во все умы. Следовательно, в ту эпоху реальность непосредственно воспринималась и мыслилась как религиозная. То, что следовало понимать и объяснять, — как видимое, так и невидимое, — это решения соборов относительно мира, человека и их судеб; именно это — важный и решающий факт, если мы хотим объяснить религиозный характер великих средневековых систем.

Но в то же самое время, когда одним из наиболее существенных аспектов средневековой мысли было ее погружение в самое себя, существовал и другой аспект, которым она обращена к нам.

Как только спрашиваешь себя, в каких областях и до каких пределов средние века подготовили будущее, куда входит и наше настоящее, то сознательно выходишь за рамки чистой истории. Тогда суждения, которые мы выносим о настоящем, как бы возвращаются обратно в прошлое: так, два свидетеля, признающие одни и те же факты, оценят влияние, которое может оказать некий мыслитель XIII века на умы нашего времени, по-

разному: один — как превосходное, а другой — как пагубное. Поэтому средние века остаются для нас как бы знаком противоречия. Объект признательного восхищения, доводимого кое-кем до культа, одновременно является объектом искреннего негодования, которое выражается в газетах, на предвыборных собраниях и в программах некоторых политических партий. Такая ситуация не является специфически французской. «Dark Ages» см. «Middle Age»* — написано в англоязычных словарях; если кого-то характеризуют словом «dunce»**, это значит «dull-witted person»***, иначе говоря, «тупая голова», как Дуне Скот. Ни в ком ни на минуту не возникает желания ликвидировать это неблагозвучие и разлад, но сам факт их существования доказывает, что мы еще связаны со средними веками довольно прочными узами. Подобным образом не ссорятся относительно хеттов. Ясно, что XIII век — это еще живое прошлое.

Прежде всего это в полной мере относится к территориям, где продолжает жить католицизм. Сказать, что современный человек сразу попадает во вселенную науки, верно всегда, но зачастую в разных смыслах. Научное видение мира, к которому сейчас школа приучает ребенка во всех цивилизованных странах, не устраняет его религиозного видения, когда-то заложенного в церквях средневековья. Эти два подхода в некоторых умах могут противостоять друг другу, а в некоторых других согласовываться, тем более что проблемы, которые ставит наука, — не те проблемы, которые решает религия. Как бы то ни было, существование католической церкви и ее широкое распространение в мире является фактом, и везде, где наличествует католицизм, теологические учения святых отцов, в том числе средневековья, присутствуют и действуют, являясь правилами